

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Бутенина Евгения Михайловна

**Интертекст русской классики
в прозе американского постмодернизма:
к проблеме культурного трансфера**

Специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»
(европейская и американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного Института – Школы региональных и международных исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор Венедиктова Татьяна Дмитриевна

Официальные оппоненты:

Кабанова Ирина Валерьевна,
доктор филологических наук, профессор,
СНИГУ имени Н.Г. Чернышевского
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии и журналистики

Красавченко Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник
Отдела литературоведения
Центра гуманитарных
научно-информационных исследований

Морозова Ирина Васильевна,
доктор филологических наук,
РГГУ, профессор кафедры сравнительной
истории и литературы
факультета Института филологии и истории

Защита диссертации состоится 13 декабря 2018 года в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.10 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 970. E-mail: zarubezh@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/143839538/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Н. К. Новикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Классика – культурный феномен, даже в строго литературном измерении открытый самым разнообразным толкованиям. У этого понятия богатейшая история, которую можно начинать в разных точках (например, со «Спора о древних и новых», но это не единственно возможное начало) и которая не завершается, конечно, противоречивыми интерпретациями «классического», предлагавшимися в прошлом и текущем столетиях. Попытки сделать обзор уже состоявшихся подходов и концепций и соотнести их друг с другом предпринимались и бывали в разной степени успешны. Общим вопросом «Что такое классик(а)?» – задавались писатели и критики (Ш.О. Сент-Бёв и Т.С. Элиот, Дж. Кутзее и И. Кальвино), литературоведы и представители соседних дисциплин, вопрос этот ставился на материале культур прошлого и на современном материале.

Из многочисленных подходов к определению классики (стилевого – предполагающего стройность, строгость, гармоничность; функционального – предполагающего эталонность, образцовость) в данной работе наиболее важен социально-коммуникативный подход – в качестве фокуса он предполагает стойкую востребованность классики, которая определяется меняющимися запросами культурного контекста и поддерживается культурными институтами (академическими, издательскими, переводческими, литературно-критическими). Нас интересует назначение, или конструирование, классики как образцового пантеона авторов и ее воспроизводство.

С конца XIX века благодаря культурному посредничеству переводчиков, дипломатов, критиков (в том числе иммигрантов из России¹), в мировую литературу входит русская классика и становится одним из средств самоопределения творческой интеллигенции, особенно в периоды глобальных исторических и культурных изменений. После переводов прозы Тургенева, Достоевского и Толстого в 1880–1890-е гг. (начало «третьего цикла модерности» как модернистского отрицания рационалистического современного мира) Россия «впервые оказала значительное культурное влияние на остальную Европу»². К началу Первой мировой войны объем переводов русской литературы на английский, французский, немецкий языки превышал переводы других литератур, и многие европейцы уже прочли Гоголя, Лескова, Чехова, Бунина. Европейский модернистский период повышенного интереса к русской классике совпадает с американским. Поскольку американский «путь к модерности» отличается не столь характерная для европейских стран тенденция к освоению

¹ Поскольку в данной работе рассматривается американская рецепция русской литературы, то используется и инокультурная точка зрения на иммигрантов как на прибывших в страну, а не покинувших ее.

² *Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Harvard UP, 1999. P. 205–206.*

инокультурного опыта и влиянию внешних источников, русская литература на протяжении всего прошлого столетия и в начале нынешнего остается в фокусе художественного мышления писателей США.

В представлениях классике в XX веке ей не приписывается более статус превосходства над современностью, напротив, классикой часто считается та часть прошлых достижений культуры, которая сохраняет свою актуальность в настоящем и становится его частью. Механизм реапроприации как раз и представляет наибольший интерес в перспективе как истории, так и теории литературы.

Классика – в понимании, актуальном для данного исследования, – это не только тексты, но и закрепившиеся за ними, доминирующие (по крайней мере, «в данный момент») интерпретационные схемы, «общие места», «стереотипы» восприятия. С антропологической и культурологической точки зрения, это не только «балласт» культуры, но и плодородная почва, косвенно обеспечивающая рождение нового (поскольку в ней действует механизм автоматизации/деавтоматизации, исследованный впервые еще русскими формалистами). В этом и состоит парадоксальность классики: это тексты неповторимые и бесконечно повторяемые, выделяющиеся среди других оригинальностью и банализируемые в литературном и нелитературном использовании, привязанные к контексту их порождения и повышенно подвижные.

Классику, с этой точки зрения, отличает особая подвижность (*transferability*) и переводимость (*translatability*), – историческая (между контекстами разных эпох) и культурная (между контекстами разных культур). Нас занимает в данном случае проблематика трансфера и усвоения русской классики XIX века в контексте литературной культуры США второй половины XX – начала XXI столетия. В западной культурной истории этот период характеризуется обычно через господство постмодернизма.

Постмодернизм определяется одним из его наиболее авторитетных исследователей Ф. Джеймисоном как «Культурная логика позднего капитализма» (1984), характерные проявления которой соединяют в себе продуктивность и контрпродуктивность: к ним относятся текучесть, гибридность, плюралистичность (стремление преодолеть бинарные оппозиции), культ разнообразия и свободы интерпретации, виртуализация и фикционализация социальной жизни, расшатывание целостных (в том числе национально-культурных) комплексов, отказ от принципов традиционного историзма, внимание к дорефлексивному опыту и одержимость консьюмеризмом, господство рыночных практик и компенсаторная преданность утопическому воображению.

Против интерпретации Джеймисоном постмодернистской игровой поэтики как «случайной каннибализации всех стилей, игры случайной стилистической

аллюзией»³ возражает Л. Хатчен, отрицая случайность этого процесса и настаивая на возможности сочетания иронии с «серьезностью и целью»⁴. И Джеймисона, и таких «антагонистов постмодернизма», как Т. Иглтон и Ч. Ньюмэн, Хатчен отчасти справедливо упрекает в категоричном отрицании его эстетики и тотальности деконструктивного видения.

В конце XX в. бинарные постмодернистские интерпретации в работах И. Хассана, Т. Иглтона, Ч. Ньюмэна, Дж. Граффа подвергаются переосмыслению. Становится очевидной искусственность оппозиции традиции и эксперимента, поскольку многие писатели эпохи постмодернизма успешно их сочетают. Обозначается «моральный поворот постмодернизма», позволяющий говорить о постмодернистском реализме, в котором достаточно сильны этические основы. Преодоление «логики отрицания» дало возможность увидеть созидательное начало в этом художественном направлении и выделить «конструктивный постмодернизм».

В начале нынешнего века постмодернизм виделся как состояние, когда «прошлое кажется включенным в настоящее»⁵. Однако более точной представляется мысль Ж.-Ф. Лиотара о том, что постмодерное должно быть понято согласно парадоксу «будущего в прошедшем»⁶. Эта мысль отражает продуктивность поэтики интертекстуальности для постмодернизма как стилистико-мировоззренческого комплекса и культурного периода, в котором прошлое «прорастает» в будущее. **Научную проблему** работы составляет интертекст русской классики в прозе американского постмодернизма. Данная проблема закономерно предполагает не описание всех возможных, а обозначение наиболее репрезентативных механизмов транскультурного и текстового взаимодействия. Проблема транскультурной интертекстуальности (творческой ассимиляции текстов и идей других культур во вновь производимых текстах) не нова, но особенно остро и масштабно встает именно в этот период, поскольку коррелирует с пониманием литературы как внутренне диалогического процесса текстопорождения и текстовосприятия.

Хотя термины «межкультурный», «кроскультурный» и даже «мультикультурный» нередко употребляются как синонимы, с конца XX века в гуманитарной науке все чаще используется понятие «транскультурный» как более точно отражающее динамичность контактов между культурами, в том числе отдаленными, тогда как «межкультурный» предполагает контакты близких культур, «кроскультурный» акцентирует сопоставление, а не взаимодействие, а «мультикультурный» приобретает нежелательные идеологические коннотации.

³ Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991. P. 18.

⁴ Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. New York & London: Routledge, 1988. P. 27.

⁵ Connor S. Introduction // The Cambridge Companion to Postmodernism. P. 10.

⁶ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / Tr. G. Bennington, B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. 81.

Еще в 1940 году вводя понятие транскультурации (*transculturation*) в научный оборот, кубинский антрополог Ф. Ортис подчеркивал его предпочтительность понятию аккультурации, нередко влекущей за собой вытеснение одной культуры другой. Сегодня под транскультурацией понимается особое качество «проницаемости» современных культур (открытых, по-разному и в разной степени, процессу глобализации). Установка на конструирование множественной идентичности из свободно выбираемых составляющих становится все более выраженной.

Формирование мировой литературы как комплекса текстов не искаженных, но обогащенных транскультурным переводом, ставит проблему становления транскультурного канона – открытого канона, включающего не только национальную, но и инациональные традиции. В работе предпринимается попытка реконструировать комплекс представлений о русской классике, порождающих особенно живой интеллектуальный и художественный отклик в современной американской литературе. Анализируемый литературный гетерообраз России (образ с точки зрения Другого) формируется на основе русского сегмента транскультурного канона, формирующегося США на протяжении последних десятилетий. Проблема транскультурного канона актуализируется в конце XX века, когда восходящее к Гёте понятие мировой литературы начинает использоваться и для обозначения глобального литературного пространства, и для наименования академической дисциплины, полемизирующей с традиционной компаративистикой. Данная работа является попыткой внести вклад в изучение этой находящейся в становлении и, несомненно, требующей внимания парадигмы.

Вопрос о рецепции (результате культурного трансфера) инокультурных традиций в обновленном каноне особенно важен и пока не изучен, а на материале интертекста русской классики в современной литературе США поднимается впервые. Это явление исследуется через различные каналы межкультурной литературной коммуникации: университетский дискурс, иммигрантскую словесность, литературный мейнстрим. Для выработки методики чтения транскультурных текстов апробируются междисциплинарные теоретические категории медиации и гибридизации, а также вводится категория реакцентуации, позволяющая зафиксировать интерпретативный сдвиг, если не в количественном (тонкая материя литературной рецепции сопротивляется квантификации), то в качественном измерении влияния и востребованности.

К ключевым аспектам изменения в восприятии классики относится проблема канона и литературного пантеона, которой в последние годы не раз посвящались научные дискуссии. На теории Веселовского и диалогической философии Бахтина основаны современные исследования по компаративной поэтике. Мысль Бахтина о необходимости диалога с другой культурой для

познания своей акцентирует непреходящую **актуальность** транскультурного компаративного подхода, в рамках которого выполнена данная работа.

Теоретическую основу работы составляют труды об интертекстуальности, рецепции как результате культурного трансфера, системе мировой литературы, о концепте классики и о каноне. Вслед за многими современными исследованиями работы Ю. Кристевой и Р. Барта трактуются как продуктивный импульс для интертекстуального анализа, в котором учитывается, однако, бахтинский интересубъективный диалог. В теории Х. Блума для нас важно понятие классических текстов как «сильных», составляющих актив транснациональной культурной памяти и вызывающих интертекстуальный отклик. Блумовская концепция «тревоги влияния», сосредоточенная, главным образом, на взаимодействии последователей с предшественниками в англоязычной традиции, в конце XX века дополняется концепцией «тревоги невлияния», с помощью которой Ч. Ньюмэн стремится осмыслить заметное отдаление современной прозы США от американской классики и значимое воздействие иностранных литератур.

Теория интертекстуальности как принципа художественного отклика на прочитанное тесно смыкается с теориями немецкой школы рецептивной эстетики и американской «критики читательского отзыва», занимающими ведущее положение в западной литературной науке с 1960–1970-х гг. Важным для данного исследования является междисциплинарное понятие медиации (посредничества), разработанное, в том числе, в рамках рецептивной эстетики. В работах Х.Р. Яусса коммуникативная функция эстетического опыта описывается как постоянная «медиация нового через старое» с помощью отбора, забвения и реапроприации. Обращаясь к понятию двойного смысла Э. Ауэрбаха, Яусс утверждает, что классика медирует между «горизонтом прошлого опыта и горизонтом текущих ожиданий», соединяя «нормативную природу прошлых истоков с будущими возможностями»⁷. В. Изер понимает историю в целом как «медиацию между прошлым и настоящим», что порождает кольцевое движение, сходное с принципом герменевтического круга и другими интерпретационными практиками⁸.

Истоки понятия медиации как базового культурного варианта посредования восходят к работам Л.С. Выготского и К. Леви-Стросса. Сейчас это понятие приобретает ключевое значение в рамках прагматических исследований литературы и литературной культуры. Для данной работы важен соединяющий классику и современность механизм медиации и активная роль межкультурного медиатора – как субъекта (писателя), так и объекта (созданного им текста), – участвующих в процессе формирования текстов мировой литературы.

⁷ *Jauss H.R.* Tradition, Innovation, and Aesthetic Experience // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1988. Vol. 46. No. 3. P. 375–377.

⁸ *Iser W.* The Range of Interpretation. New York: Columbia University Press, 2000. P. 60.

В конце XX века интерпретация классики становится важнейшей основой художественного поиска. Поэтому такую значимость приобретает интертекстуальная форма адаптации-модернизации (*literary adaptation / update / retelling / recasting/ reimagining*) классических сюжетов, в том числе русской литературы. Характерные для этой формы стратегии изменения точки зрения повествования, заполнения «пробелов» (В. Изер) претекста, наделения голосом маргинального персонажа позволяют переосмыслить классику с позиций настоящего.

Помимо интертекстуальной и рецептивной теории для данного исследования важен опыт изучения мировой (всемирной) литературы как системы. Понятие, вдохновленное эстетикой Гердера и введенное Гёте в начале XIX века для осмысления европейского восприятия иностранных литератур и формирования новой, обогащенной инонациональным опытом литературы, остается полемическим предметом филологии по сей день. Под мировой литературой понимается и совокупность всех национальных литератур, и взаимосвязь между ними, и мировая классика. Для понимания мировой литературы во всех этих значениях вновь приобретает актуальность бахтинское прочтение художественного мира Гёте с его исторической конкретикой и, в то же время, обращенностью в будущее.

Важным периодом актуализации дискуссий о мировой литературе стали годы после Второй мировой войны, когда, с одной стороны, подчеркивалась необходимость транснационального культурного взаимодействия (Ф. Штрих «Гёте и мировая литература», 1946), а с другой – высказывались опасения о разрушительной гомогенизации национальных литературных традиций (Э. Ауэрбах, «Филология мировой литературы», 1952). В нашей стране 1960–1980-е годы отмечены работой над фундаментальной многотомной историей всемирной литературы, основанной на выделении общих признаков региональных, зональных и национальных литературных систем, однако акцентирующей панславянский подход при выборе и анализе материала.

Транскультурный подход, формирующийся в гуманитарных науках с конца прошлого века, вновь активизировал теоретическое осмысление понятия мировой литературы. Временная дистанция уже позволяет назвать ведущих современных теоретиков мировой литературы как исследовательской парадигмы. В их числе – автор полемической работы «Мировая республика литературы» (*La république mondiale des lettres*, 1999) П. Казанова, выделяющая Париж как важнейший центр литературной вселенной, и Ф. Моретти, предлагающий анализировать мировую литературу с помощью количественного метода «дальнего чтения» (*Distant Reading*, 2013).

Казанова и Моретти понимают мировую литературу как иерархическую систему с центром и периферией. Третьего ведущего исследователя мировой

литературы – заведующего кафедрой компаративистики Гарварда, профессора Д. Дэмроша – отличает более динамичное видение этого феномена. В основополагающей работе «Что такое мировая литература?» Дэмрош подчеркивает, что «это не бесконечный, неохватный канон произведений, а модус циркуляции и чтения, модус, применимый к отдельным текстам и корпусам текстов, в равной степени подходящий для чтения классики и для новых открытий»⁹. Этот модус чтения предполагает «творческий симбиоз» национально ориентированного и компаративного подходов.

Проблема рецепции русской классики в современном литературоведении. Отсутствие упоминаний о русской классике в таких обобщающих работах, как «Мировая республика литературы» П. Казанова, сразу обращает на себя внимание (относя русский язык к «подчиненным языкам», исследовательница лишь кратко затрагивает факт «литературизации», то есть (авто)перевода на «большие литературные языки», прозы Набокова)¹⁰. Д. Дэмрош иронично заметил, что работу Казанова стоило бы назвать «Парижская республика литературы», а ее «имплицитная триумфальность» интересна исключительно как пример понимания мировой литературы в современном французском контексте¹¹. Славистка Э. Лаунсбери связала исключение русской литературы из этого контекста с тем, что в системе Казанова нет места периферийному или «провинциальному», не связанному напрямую с Парижем как центром цивилизации. Полемизируя с Казанова и оперируя такими классическими работами, как «В тени Гоголя» А. Терца (А.Д. Синявского) и «Достоевский и роман» М. Холквиста, Лаунсбери убедительно показала значение русской «провинциальности» как «манифеста значимости, самодостаточности, самобытности» в понимании «времени, истории и современности»¹².

Так или иначе понимаемая «провинциальная наивность» русского писателя, проявившаяся, в частности, в принятой им провидческой роли, рассматривалась еще в обобщающей статье Р. Мэтьюсона-младшего «Русская литература и Запад» (1962), где автор находил многочисленные параллели между русской и американской литературами, акцентируя свободное от догм переосмысление европейского наследия в формировании двух молодых национальных литературных традиций. В итоге, когда европейцы стали читать русскую литературу, они не «увидели, что инаковость русского романа была в большой степени их собственным литературным прошлым» – отмечая этот феномен, У. М. Тодд III назвал его «уловкой» (*ruse*) русского романа¹³.

⁹ Damrosch D. What is World Literature? Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 5.

¹⁰ Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. С. 161–163.

¹¹ Damrosch D. What Is World Literature? Princeton: Princeton UP, 2003. P. 27.

¹² Лаунсбери Э. «Мировая литература» и Россия. Пер. с англ. О. Наумовой // Вопросы литературы. № 5. 2014. С. 22, 24.

¹³ Todd III W.M. The Ruse of the Russian Novel // The Novel / Ed. F. Moretti. Princeton: Princeton University Press, 2006. Vol. 1. P. 423.

Российские филологи изучают проблему рецепции русской классики в зарубежной литературе со второй половины XX века. Работы Д.Г. Жантиевой, Т.Л. Мотылевой, Д.М. Урнова посвящены восприятию Достоевского, Толстого, Чехова европейскими и американскими писателями. Монографические исследования о русско-американских литературных связях появляются в конце прошлого века: начало темы положено в известных историко-литературных работах А.Н. Николюкина и Ю.И. Сохрякова; среди современных исследований в русле компаративно-диалогической поэтики следует выделить монографии О.Ю. Анцыферовой и Т.Д. Венедиктовой. В последние годы были защищены докторские диссертации, посвященные рецепции англо-американской традиции в русской литературе (А.А. Арустамова, И.А. Матвеев), влиянию русской классики на творчество отдельных американских писателей (М.К. Бронич) или одного классика на писателей определенного периода и направления (И.Л. Львова).

Объемные коллективные монографии под редакцией ИМЛИ РАН «На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.)» (2011) и «Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации» (2015) демонстрируют масштабность влияния русской культуры на мировую литературу Запада и Востока. В задачи этих исследований входило показать грандиозный пространственный и временной охват русского литературного влияния.

Данная работа также выполнена в русле транснациональной компаративистики. Помимо традиционных культурно-исторического и компаративного **методов**, в основе исследования – методология изучения культурного трансфера, разработанная французскими учеными, в частности, М. Эспанем, и исследователями ИМЛИ РАН (В.Б. Земсков, Е.Е. Дмитриева). Культурный трансфер предполагает изучение межкультурных влияний в воздействующей и в принимающей культурах и обнаруживает немало общего с теорией Веселовского, в частности, с его концепцией «встречных течений». Для исследования важны также практики транскультурного чтения, продемонстрированные Д. Дэмрошем на обширном материале мировой литературы.

Объектом исследования является литературный процесс в США конца XX – начала XXI века в аспекте восприятия русской классики.

Материалом исследования послужили прозаические произведения писателей США, созданные в указанный период.

Принцип отбора материала определялся стремлением выделить целостный интертекст русской классики в прозе США эпохи постмодернизма, определяемой и радикальными текстовыми экспериментами, и возвратом к традиционному нарративу (неореализм). В данной работе, конечно, не ставится невыполнимая

задача обращения ко всем американским писателям XX в., для которых важна «русская тема». В фокусе исследования авторы, представляющие различные грани американского постмодернизма от начала его формирования в конце 1950-х гг. до современности. При этом важно показать, что «культурное пограничье» неотделимо от «мейнстрима», и выделить закономерности восприятия русской классики в литературном поле США.

В соответствии с этой комплексной установкой в поле исследования, с одной стороны, включены представители «мейнстрима», как связанные с русскоязычной культурой генетически, через родителей-иммигрантов (С. Беллоу, Дж. Сэлинджер, Ф. Рот), так и свободно избирающие ее для обогащения своего транскультурного воображения (Дж. Гарднер, Дж. Франзен, Д. Тартт). С другой стороны, в работе рассматриваются авторы «культурного пограничья», для которых особенно актуально осмысление «постдефисной» идентичности: это, в частности, афроамериканские (Дж. Килленс, Э. Рэндалл) и азиато-американские писатели (В. Сет, Дж. Лахири). Безусловно, особую значимость реинтерпретация русской классики имеет для иммигрантов из России, поэтому значительный корпус материала составляет русско-американская проза. Помимо англоязычных произведений русско-американских писателей четвертой волны (Г. Штейнгарт, Л. Вапняр, И. Рейн, А. Улинич, Э. Литман, М. Идов, К. Гессен), составляющих часть литературы США, в исследование включается анализ некоторых русскоязычных иммигрантских текстов (А. Терц, С. Довлатов, В. Аксёнов), переведенных на английский язык в конце XX века, изданных в США и ставших основой художественной рецепции в американской литературе.

Предметом исследования являются механизмы культурного трансфера русской классики в американской прозе эпохи постмодерна. В работе выделяются три ключевых механизма культурного трансфера: медиация, гибридизация и реакцентуация. Все они нередко взаимодействуют, однако возможно говорить об актуализации того или иного варианта в определенном пространстве культурного трансфера. Так, медиация рассматривается в университетском-филологическом дискурсе (филологической эссеистике и университетском романе), гибридизация – в русско-американской прозе, реакцентуация – в наиболее широком контексте различных этнических традиций и мейнстрима.

Под *медиацией* понимается эксплицитная рецепция-трансляция, в которой писатель выступает в роли посредника-интерпретатора, или медиатора, между классическим текстом и современным читателем. Художественная задача писателя-медиатора сочетается с просветительской, поэтому закономерно проявление этого варианта в университетско-филологическом дискурсе. Кроме того, в соответствии с кольцевой логикой процесса медиации, о которой говорилось выше, текст-источник и текст-реципиент пребывают в однородном

культурном поле. Медиацию, в которой участвует дополнительный посредник – переводчик и/или интерпретатор-предшественник, – предлагается называть *ремедиацией*, поскольку это понятие, означающее взаимовлияние различных медиа как каналов передачи информации¹⁴, отражает и суть транскультурного диалога.

Гибридизация в данном исследовании означает трансформацию культурем русской литературы – «маленький человек», «лишний человек» и петербургский текст – для создания транскультурного, русско-американского художественного текста. В согласии с принципом культурного трансфера, этот вариант основан на синкретической форме исходного контекста («маленький лишний человек» в русской литературе), что определило успешную «трансплантацию» данной культуры в принимающий контекст иммигрантской прозы и формирование в ней новой гибридной культуры (петербургский нью-йоркский текст). Гибридность понимается как текучее явление, поэтому образованные культуры пишутся без дефиса, который не отражал бы сложное взаимодействие их составных частей.

Наконец, *реакцентуация* означает создание индивидуальных образов классиков на основе проблемно-тематических доминант, отражающих запросы времени. Акцентуация предполагает выделение определенных доминант в интерпретации текста, а реакцентуация подчеркивает появление новых доминант. На основе анализа современных исследований англо-американской славистики и художественной прозы в американском восприятии Пушкина выделяется этнокультурная доминанта, в восприятии Гоголя – метаморфическая, Толстого – гендерная, Достоевского – исповедальная, Чехова – эмпатическая. Данные доминанты не претендуют на всеохватность образов русских классиков. Однако механизм восприятия и циркуляция образа в культуре (трансфер) всегда предполагает выбор и ориентацию на ту или иную трактовку, в определенном контексте выступающую на первый план. Поэтому каждая из выделенных доминант на конкретном этапе и в конкретной (американской) среде оказалась наиболее заметной и в силу этого приняла характер литературного и социокультурного факта.

Каждая доминанта представляет собой лишь одно из возможных прочтений наследия классика, однако материал современной словесности позволяет акцентировать именно это прочтение. В работе рассматривается репрезентация избранного пантеона русских классиков как наиболее явно и значимо представленного в транскультурном американском каноне и отраженного в современной американской прозе. Отсылки к другим классикам либо встречались только в иммигрантской литературе (Лермонтов, Гончаров, Тургенев), либо носили единичный характер.

¹⁴ Bolter D., Grusin R. Remediation: Understanding New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 295 p.

Целью исследования является анализ условий формирования интертекста русской классики в прозе США конца XX – начала XXI в., периоде доминирования стилистических и мировоззренческих принципов постмодернизма.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) выявить сегмент русской классики в транскультурном американском каноне;
- 2) выделить основные механизмы культурного трансфера, характерные для современной американской прозы;
- 3) определить значение литературоведческого и художественного наследия русских иммигрантов для медиации русской классики в англоязычной среде (на примере университетско-филологического дискурса);
- 4) проанализировать гибридизацию культурем («маленький лишний человек» и петербургский нью-йоркский текст) в русско-американской литературе;
- 5) проанализировать трансфер классического русского канона как реакцентуацию, основанную на проблемно-тематических доминантах.

Выделение данных механизмов трансфера и введение междисциплинарной категории медиации в область литературоведения определяет **научную новизну** и **теоретическую значимость** исследования. Кроме того, многие из изучаемых текстов еще не были включены в активный научный оборот в нашей стране. Анализ русского интертекста в художественной прозе (продуктивной рецепции) предваряет обзор репродуктивной рецепции (исследований) русской классики в США во второй половине XX века, что позволяет выделить основные тенденции формирования в англоязычном пространстве представлений о русской литературе, на которые откликаются современные американские писатели.

Практическая значимость исследования включает возможность использования выделенных механизмов культурного трансфера на материале других литературных традиций. Представленный в работе материал может быть использован в курсах по современной литературе США, а также в обзорных курсах, акцентирующих компаративный подход в парадигме мировой литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Медиация русской классики в художественной и филологической прозе иммигрантов первой и третьей волн получила развитие в современном американском университетско-филологическом дискурсе (романах и эссеистике).
2. В прозе иммигрантов третьей и четвертой волн произошла гибридизация культурем лишнего человека и маленького человека, петербургского и нью-йоркского текстов.

3. Особенности функционирования интертекста русской классики в современной американской прозе позволяют выделить варианты рецептивной реакцентуации, основанные на проблемно-тематических доминантах.
4. В восприятии наследия Пушкина – это этнокультурная доминанта, сочетающая афроцентричность (основу афроамериканского культурного мифа) и транскulturность, нашедшую выражение в современном поэтическом романе США. Восприятие африканского происхождения Пушкина как символической инаковости сближает его рецепцию в диссидентско-иммигрантском и афроамериканском дискурсах.
5. Американская интерпретация Гоголя обнаруживает метаморфическую доминанту, под которой понимается реинтерпретация гоголевских сюжетов о преображении, как в прямом (в сатирической фантастике), так и в переносном смысле (в иммигрантском романе, обретение новой идентичности в другой культуре), что отражает современный интерес к подвижности и трансформативности культурных явлений.
6. Мир Достоевского в американском контексте акцентирует исповедальную доминанту, что наиболее ярко выразилось в романе о подростке («исповедь героя») и металитературном романе о писателе («исповедь автора»).
7. Восприятие Толстого в США осмысливается под знаком гендерной доминанты: оно начинается с полемического размышления об идеалах писателя в американском «моральном реализме» (маскулинная форма рецепции), а с конца XX века дополняется акцентом на «феминистическом» подтексте его романов, что получило новые интерпретации в русско-американской женской прозе (феминная форма рецепции).
8. Рецепцию Чехова характеризует эмпатическая доминанта как способность к объективированному художественному видению Другого. С одной стороны, это эмпатия художника, нашедшая выражение в импрессионистической поэтике и оказавшая значительное влияние на американский минимализм и неореализм. С другой стороны, это эмпатия врача и публициста, с конца XX в. востребованная американской медицинской гуманитаристикой, осмысляющей болезни человека и болезни общества через этическую призму.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на международных научных конференциях, среди которых: «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» (Владивосток, 2008), «Запад и Восток. Экзистенциальные проблемы в зарубежной литературе и искусстве» (Владивосток, 2008; 2009), «Пуришевские чтения» (Москва, 2010), «International Conference on the 20th Century Literature in English from Cross-Cultural Perspectives» (Харбин, 2011), «Learning Languages – Building Communities» (Владивосток, 2012), «Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: Пространство диалога» (Новосибирск, 2014), «Сюжетология /

сюжетография» (Новосибирск, 2014), «43-я Международная филологическая конференция СПбГУ» (Санкт-Петербург, 2014), «Русский язык, литература и культура в пространстве АТР» (Владивосток, 2015), «Проблемы литератур Дальнего Востока» (Санкт-Петербург, 2016), «Сибирский филологический форум» (Красноярск, 2016). Основное содержание диссертации представлено в монографии и 42 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 815 наименований. Общий объем диссертации составляет 418 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект, предмет, цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Медиация русской классики в университетско-филологической прозе США»** анализируется значение литературоведческих работ В. Набокова, А. Терца (А.Д. Синявского) и В. Шкловского для университетско-филологической прозы (романов и эссеистики) современных американских писателей-преподавателей литературы. Столь разных филологов сближает понимание литературоведения скорее как искусства, а не науки в строгом смысле. Субъективное, игровое авторское начало, созвучное постмодернистской поэтике, преобладает в их толковании классических и современных текстов. Вероятно, во многом поэтому труды Набокова, Терца и Шкловского вошли в число наиболее активно «импортируемых» и осваиваемых элитарной академической средой, где их «гибридная», художественно-критическая, манера письма оказалась востребованной и вдохновляющей на подобное творчество.

В **разделе 1.1 «Набоков и “наследники”: модусы взаимодействия»** рассматривается рецепция набоковских трудов о русской литературе в англо-американской критике. На материале двух книг о практиках чтения, «Тринадцать способов посмотреть на роман» (*Thirteen Ways of Looking at the Novel*, 2005) Дж. Смайли и «Читая по-писательски» (*Reading like a Writer*, 2006) Ф. Проуз анализируются две разновидности писательской ремедиации его преподавательского и литературоведческого опыта: отталкивание и притяжение.

Дж. Смайли, будучи писательницей демократического склада, не принимает набоковскую эстетику, но признает необходимость включения его творчества в анализ мировой романной традиции. Ф. Проуз открыто признает огромный вклад Набокова в трансляцию русской литературы западному миру и в

какой-то мере продолжает его дело, призывая американских читателей «немедленно прочесть» не только «золотую» классику, но и великие русские книги XX века. Набоковское эхо в книгах Смайли и Проуз отозвалось в их выраженном субъективном начале, вовлечении в дискуссию примеров из собственных произведений, обширной цитации (Прозу) и подробном пересказе (Смайли). И набоковская профессиональная модель *писатель – преподаватель – медиатор*, и методика чтения, актуализирующая рецептивный потенциал читателя, и интерпретация русской классики как читательской автобиографии составляют важную основу современной западной академической и литературной культуры. Для иммигрантской медиации важна социализация в русской литературной культуре и трансляция этого опыта в иноязычный контекст для осмысления своего статуса в новой среде. Для англоязычной ремедиации значим свободный выбор отдаленной в пространстве и времени культуры, через литературную классику которой осуществляется осмысление современной транскультурной идентичности.

В разделе 1.2 «Пушкинский текст А. Терца и транскультурный поэтический миф Д. Краули» анализируется пример непосредственного отклика на «фантастическое литературоведение» А. Терца в романе Д. Краули «Переводчик» (*The Translator*, 2002). В примечании к своему роману о русском поэте-диссиденте, иммигрировавшем в США и преподававшем в американском университете, Краули поясняет, что заимствовал некоторые суждения своего героя о Пушкине из книги Терца «Прогулки с Пушкиным».

В числе суждений Терца, которые Д. Краули использует в своем романе, – мысль о пушкинской «всеядности». Для пояснения этого понятия американский писатель полностью воспроизводит цитируемый Терцем отрывок из «Графа Нулина» («Наталья Павловна сначала/ Его внимательно читала») и уподобляет героиню самому поэту. Не менее значима для русского поэтического мифа Краули и отмеченная у Терца пушкинская рифма «воли» и «доли», которые, как печально резюмирует его герой, Иннокентий Фалин, не рифмуются на чужом языке.

Иннокентий Фалин – собирательный образ русского поэта-мученика XX века. Об этом говорит и присутствие в его биографии всех возможных составляющих трагической судьбы нации – потеря родителей – беспризорщина – лагерь – потеря жены и дочери – эмиграция, – и значимое имя. *Innokentii Falin* созвучно *innocent fallen*, невинный падший. Краули наделяет своего героя не только пушкинским/русским пониманием судьбы и свободы, но и отношением к поэтической памяти и проводит мысль об особой «переводческой» миссии поэта как проводника между культурами, способного поднять духовное общение на надъязыковой уровень.

В разделе 1.3 «Остраняющий метод В. Шкловского в университетско-филологической “диалогии” Э. Батуман» рассматривается ремедиация русской классики в «диалогии» (тематически связанных сборнике литературоведческих эссе и романе) современной американской славистики, использующей новаторский филологический подход лидера русского формализма.

Наследие В. Шкловского, как и русского формализма в целом, оказало значительное влияние на зарубежную филологию второй половины XX века. В начале XXI века остраляющий метод Шкловского отозвался и в книгах Э. Батуман, которые можно рассматривать как университетско-филологическую диалогию: это сборник эссе «Бесы. Приключения русских книг и людей, которых их читали» (*The Possessed. Adventures with Russian Books and the People Who Read Them*, 2010) и роман «Идиот» (*The Idiot*, 2017). В первой книге Батуман неоднократно упоминает Шкловского, в частности, сборник «Ход коня», в котором ученый проводит аналогию между передвижением шахматной фигуры и историей литературы. В коротком предисловии Шкловский также поясняет, что пишет для «русских за границей», обозначая свое кредо внутреннего эмигранта, определившее эллиптическую манеру его письма. Метафора «хода коня» служит одним из выражений концепции остраения, и американская исследовательница, не испытывающая необходимости обходить цензуру, реализует эту концепцию, главным образом, в приеме неожиданных параллелей, позволяющем деконструировать привычное восприятие русской классики.

Остраляющий метод в университетско-филологической диалогии Э. Батуман проявляется уже в использовании заглавий классических книг. Для Шкловского «заглавные» аллюзии к Стерну («Сентиментальное путешествие») и Руссо («Третья Элоиза») в книгах о страшном революционном времени были элементом модернистской стилистики «черного юмора». Для современной американской славистики Э. Батуман названия романов Достоевского служат элементом иронического повествовательного модуса, характерного для университетской прозы США. Кроме того, остраение по Шкловскому в книгах Батуман реализуется в экзистенциализации читательского опыта, в создании неожиданных аналогий между литературой и жизнью, в авантюрном начале, во включении в текст сведений из разных областей знания, в вариативности сюжета и, главное, в общей металитературности, слиянии автобиографии, филологии и вымысла. Кроме того, важный компонент остраения – структурирующая метафора; в рассмотренных книгах – это ход коня у Шкловского и одержимость у Батуман.

В главе 2 «Гибридизация культурем героя и города в русско-американской прозе» анализируется трансформация культурем русской литературы – маленький человек, лишний человек и петербургский текст – для создания транскультурного художественного текста в прозе иммигрантов третьей

(В. Аксёнов и С. Довлатов) и четвертой волн (Г. Штейнгарт, Л. Вапняр, И. Рейн, А. Улинич и др.). Как заметила Э. Боэмер, «мигрантский текст является выражением живой гибридности в естественных красках. Именно гибридность становится фактором, придающим значение огромному кругу культурных переводов, которые делают мигранты»¹⁵. Кроме того, гибридное по своей природе интертекстуальное «третье пространство» соотносимо с иммигрантским состоянием «промежуточности» (*betweenness*).

В разделе 2.1 «Игровой интертекст С. Довлатова и В. Аксёнова в оригинале и переводе» рассматривается вопрос о переводимости литературного интертекста в прозе двух самых известных русско-американских писателей-иммигрантов третьей волны. Как и Набоков, и Терц/Синявский, эти авторы внесли немалый вклад в медиацию русской классики в зарубежном университетско-филологическом дискурсе: Довлатов – в качестве журналиста и критика, Аксёнов – в качестве университетского преподавателя литературы, о котором сохранилось немало благодарных отзывов студентов и коллег.

В иммиграции Аксёнов и Довлатов остались русскоязычными писателями, однако в переводах их проза вошла в корпус современной англоязычной литературы и стала важной частью русско-американского транскультурного текста. Поэтому предметом анализа становятся рассказы писателей, опубликованные в «Нью-Йоркере» (публикация в этом журнале позволяет говорить о статусе текста в американском литературном поле), а также наиболее «литературные» (актуализирующие игровой интертекст) их произведения, «Скажи изюм!» и «Заповедник». Делается вывод, что в журнальных публикациях многие элементы «литературного фольклора» прозы Аксёнова и Довлатова были утрачены и в переводах Э. Фридман, и в переводах А. Буа. В переводе романа «Скажи изюм!» Буа (*Say Cheese!*, 1989) нередко сокращает аллюзивные клише, характерные для игровой поэтики Аксёнова, что сглаживает карнавальную комическую тональность этого текста. Перевод повести «Заповедник» (*Pushkin Hills*, 2013), выполненный дочерью писателя, Е. Довлатовой, в большей степени соответствует оригиналу.

В последующих разделах второй главы аллюзивная поэтика Довлатова и Аксёнова анализируются в контексте англоязычной прозы современных русских писателей-иммигрантов, что позволяет осмыслить русско-американскую литературу конца XX – начала XXI в. как целостный феномен. Раздел 2.2 «“Маленький лишний человек”» в русско-американской прозе» посвящен новому герою современной отечественной и иммигрантской литературы, «маленькому лишнему человеку» (формулировка И.Н. Сухих применительно к героям Довлатова). «Умаление» лишнего человека характерно уже для русской

¹⁵ Boehmer E. Colonial and Postcolonial Theory. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 234. Цит. по: Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. С. 287.

классики (в частности, эпизод «Тамани»), а одной из точек соприкосновения этих двух типажей можно считать их самоидентификацию с литературными персонажами, от экзистенциальной у Макара Дежушкина до пародийной у чеховского Лаевского. Важно подобное литературное самоотождествление и для «маленьких лишних» героев прозы русских иммигрантов третьей и четвертой волн, предстающих в различных ипостасях и с доминированием той или иной составляющей их гибридного характера. Р. Фелски, анализируя варианты читательской самоидентификации в работе «Для чего используется литература» (*Uses of Literature*, 2008) выделила четыре взаимосвязанных «модуса текстуальной вовлеченности»: узнавание (*recognition*), зачарованность (*enchantment*), знание и шок. Позитивный вариант узнавания Фелски называет «синдромом мадам Бовари».

Проза русских иммигрантов третьей и четвертой волн продолжила набоковскую иронично-игровую ноту в интерпретации русской классики и внесла дополнительные оттенки смысла в характеры лишнего человека и маленького человека. Литературные герои, представленные в данном разделе, ощущали себя лишними, внутренними иммигрантами в своей стране, что закономерно привело многих из них к иммиграции внешней. Самоинтенсификация с романтическими лишними людьми – «синдром байронита», по выражению В. Аксёнова, – позволяла этим героям дистанцироваться от действительности и пребывать в состоянии определенной «зачарованности» (термины Фелски). В отличие от позитивного узнавания («синдрома мадам Бовари»), негативное узнавание (которое можно назвать «синдромом Макара Дежушкина») предсказуемо оказывается редким феноменом, поэтому непосредственная самоидентификация с маленьким человеком в рассмотренных текстах чаще всего остается фигурой умолчания. «Маленькому лишнему человеку» не свойственен чиновничий страх или стыд персонажей Гоголя, Достоевского и раннего Чехова. Он скорее ведет свое происхождение от лишнего человека в «умаленной» версии, как Печорин в таманском эпизоде или Лаевский в «Дуэли». Несмотря на скромное социальное положение как в своей стране, так и в иммиграции и определенную деромантизацию, этот герой сохранил некоторые черты байронита (авантюризм, свободолюбие, ироничность). Благодаря гибридной натуре, «маленький лишний человек», как медиатор-трикстер в мифологии, оказывается жизнеустойчивым персонажем и создает транскультурное текстуальное пространство.

Трансформации петербургского текста русской литературы как космополитического городского пространства посвящен раздел **2.3 «Петербургский нью-йоркский текст русско-американской прозы»**. Советский период дискурса о невском городе получил название ленинградского

текста, с конца 1970-х продолженного в творчестве иммигрантов третьей и четвертой волн.

Многие иммигранты третьей волны, в том числе уроженцы Ленинграда, обосновались в Нью-Йорке, поэтому нью-йоркский текст русско-американской прозы формировался в соположении с петербургским. В числе родственных черт неевского и гудзонского городов нельзя не отметить литературность, вертикальность, рациональность. В обоих главных иммигрантских городах Америки, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, важны приметы Петербурга как эксцентрического города по Лотману: положение «на краю», противостояние природного и созданного начал (воды и камня), открытость к культурным контактам, мифологический ореол, театральность. Последнее качество предполагает конструирование сцены и зрительской аудитории.

Современная русско-американская проза вобрала многие ключевые черты петербургского текста и отчасти перенесла их в нью-йоркский текст: это (мета)литературность, театральность, символическая топика, контрастность. Следуя природе художественного пространства Петербурга, антитетичные начала нередко соединяются в целое, и так в русской литературе сформировался гибридный характер «маленького лишнего человека». Благодаря гибридной натуре, «маленький лишний человек», как медиатор-трикстер в мифологии, оказывается жизнеустойчивым персонажем и формирует транскультурное текстуальное пространство.

Рецепция героя и литературного пространства неотделима от реинтерпретации образа автора. Этому аспекту посвящена **глава 3 «Реакцентуация русского литературного канона в прозе США»**. Проанализированный материал современной американской прозы позволяет говорить о выраженной представленности интертекста «золотого канона» русской классики – Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова. Хотя в (пре)модернистскую эпоху англоязычная культура откликнулась на новаторство современников (Толстого, Достоевского и Чехова), а обращение к Пушкину и Гоголю заметно лишь в постмодернистской литературе, в данной главе сохранен традиционный хронологический принцип описания канона как более наглядный.

В разделе **3.1 «Пушкин: этнокультурная доминанта»** анализируется рецепция уникальной творческой идентичности «русского Шекспира», как нередко называют создателя национального литературного языка англоязычные авторы, в афроамериканской литературе и поэтическом романе США.

3.1.1. Афроамериканский пушкинский миф и символическая инаковость. Афроамериканцы проявили интерес к родословной Пушкина еще при жизни поэта: первая публикация об Ибрагиме (Абраме) Ганнибале в «черной» газете «Фридомс Джорнал» (*Freedom's Journal*) относится к 1828 году. С началом Гарлемского ренессанса в 1920-х годах пушкинская

самоидентификация с африканским предком становится основой для формирования афроамериканского анти-европоцентристского дискурса. Важным этапом в этом процессе стало масштабное празднование столетней годовщины со дня смерти поэта, отмеченное совместными мероприятиями русских иммигрантов и африканских диаспор в США.

С 1920-х годов для афроамериканцев стало традицией считать Пушкина своим литературным предком в поэзии, а Дюма-старшего – в прозе. В конце XX века тема афроамериканских и российских культурных связей становится предметом специальных исследований. Первым англоязычным изданием, в котором проблема расы становится фокусом исследования для понимания двухвековой рецепции Пушкина в мировой культуре, стала монография «“Под небом Африки моей”: Александр Пушкин и чернокожесть» (*Under the Sky of My Africa': Alexander Pushkin and Blackness*, 2006). Как понятно из онегинской строки в ее заглавии, авторы стремились осмыслить соединение пушкинского африканского автомифа с историей конструирования образа «черного» гения. В числе ярких примеров такого конструирования, конечно, поэзия М. Цветаевой и ее эссе «Мой Пушкин» (1937). Символическая чернокожесть Пушкина для Цветаевой была метафорой поэтической инаковости и свободы, как и для А. Терца в «Прогулках Пушкина», написанных три десятилетия спустя. Русское анти-официозное восприятие Пушкина во многом созвучно афроамериканскому.

3.1.2. Динамика афроамериканской художественной рецепции: из XX в XXI век. Изменения в художественной афроамериканской рецепции Пушкина в конце прошлого и начале нынешнего века можно рассмотреть на примере двух романов, «Великий черный русский: Роман о жизни и эпохе Александра Пушкина» (*Great Black Russian: A Novel on the Life and Times of Alexander Pushkin*, 1989) Д.О. Килленса и «Пушкин и Пиковая дама» (*Pushkin and the Queen of Spades*, 2004) Э. Рэндалл. Килленс (1916–1987), сооснователь Гарлемской писательской гильдии и дважды номинант Пулитцеровской премии, посвятил созданию романа о Пушкине последнее десятилетие своей жизни.

Роман Килленса – текст подчеркнуто идеологический. Его Пушкин создает свою гибридную родословную, где ключевая роль принадлежит прадеду-африканцу и няне, которая по афроамериканской традиции уподобляется негритянской «мамушке». Как и в архетипичном невольничьем повествовании Ф. Дугласа, инициация героя происходит, когда он становится свидетелем наказания раба. Чтобы усилить силу сострадания молодого Пушкина, Килленс пренебрегает исторической достоверностью и описывает темнокожего, «почти черного» крепостного и проводит непосредственные параллели между рабством в России и Новом Свете. В изображении Килленса белокожие русские рабы приобретают независимость и смелость суждений, тогда как их чернокожие хозяева испытывают угнетенность от «бремени» своей расы.

Роман Э. Рэндалл «Пушкин и Пиковая дама» опубликован лишь пятнадцать лет спустя, но со всей очевидностью написан автором, сформированным другой культурной эпохой. Пушкин Килленса – не столько великий русский поэт, сколько великий «афро-русский» борец за равноправие рас. Пушкин Рэндалл – это и великий русский поэт, и его современная афроамериканская реинкарнация, поскольку Пушкиным называет своего сына героиня романа, Виндзор Армстронг. Она пытается воспитать из сына «черного интеллектуала», но вопреки ее книжному сценарию он становится футболистом и объявляет о намерении жениться на русской танцовщице Тане. Мучительно пытаюсь преодолеть межрасовую ревность, героиня Рэндалл готовит грандиозный свадебный подарок: переписывает пушкинского «Арапа Петра Великого» в стиле рэп и добавляет благополучный финал.

3.1.3. Интерпретация «Евгения Онегина» в транскультурном поэтическом романе США. В инокультурном осмыслении наследия Пушкина отдельное место занимает проблема рецепции «Евгения Онегина». В конце XX века первый русский полифонический роман отозвался в повествовании индо-американца В. Сета «Золотые ворота» (*The Golden Gate*, 1986), написанном в форме онегинской строфы и обнаруживающем немало перекличек с пушкинским претекстом, а также в «коротком русском романе «Охота» (*Oxota: A Short Russian Novel*, 1991) Л. Хеджинян. В качестве особого случая в исследование интертекста русской классики в прозе США включается раздел об этих двух произведениях, принадлежащих гибридному лироэпическому жанру романа в стихах, как значимое отражение постмодернистских транскультурных исканий конца XX века.

Сет стремится найти пушкинскую интонацию и перенимает его манеру обращения к читателю, металитературные комментарии о творчестве, вводит в текст автобиографическую фигуру автора. Американский поэт всячески подчеркивает игровой характер своего замысла. «Пушкинским сонетом» (так называют в англоязычном литературоведении онегинскую строфу) написаны не только 590 строф калифорнийского романа в стихах, но и четыре дополнительные строфы – посвящение, благодарности, содержание и сведения об авторе. Предвидя скептическую реакцию критиков на свое творение, Сет провоцирует ее, например, рифмуя Онегина и Рейгана.

Если в тексте Сета переклички с романом Пушкина очевидны, как на уровне формы (онегинская строфа со строфическим переносом для создания разговорной интонации), так и на уровне содержания (герой-яппи как аналог денди и сильная героиня на фоне современной эпохи), в другом американском поэтическом романе диалог с пушкинским текстом получил более сложное выражение. Таким опосредованным откликом на «Евгения Онегина» стал поэтический текст Л. Хеджинян «Охота: Короткий русский роман», написанный

в форме свободного сонета и, как сообщается на обложке, «вдохновленный» пушкинским романом в стихах. Это объемное произведение – 270 глав-строф, разделенных на восемь книг, – стало итогом довольно длительного пребывания автора в России 1980-х, изучения ею русского языка и дружбы с ленинградскими поэтами. Русскоязычное заглавие своего поэтического романа Хеджинян поясняет лишь в самом конце, в строфе 259, где делается намек, что имеется в виду охота за ускользающими смыслами. Однако центральный замысел – создать гибридный, транскультурный текст – отражен уже в заглавии, для понимания которого букву «х» нужно прочесть как кириллическую. Прием обыгрывания внешнего сходства букв кириллицы и латиницы Хеджинян использует не раз.

В практически бессюжетном повествовании «Охоты» только искушенные читатели могут найти тематические переклички с романом об Онегине и Татьяне, однако диалог с пушкинским интертекстом в романе волне ощутим. Ленинград, где происходит действие ее романа, Хеджинян не только называет «городом женщин», но и сравнивает с «лежащей в дымке» героиней, свободно наделяя маскулинный в русской традиции образ феминной душой. Свой сложный нарратив поэтесса уподобляет «антологии Сан-Франциско-Санкт-Петербурга», намечая возможность этого гибридного урбанистического текста, а повторением дефиса как будто выстраивая графический русско-американский мост.

Художественные эксперименты Хеджинян и Сета сопоставляются как попытки представителей двух различных поэтических течений – авангардной «языковой поэзии» и достаточно консервативного «нового формализма» – преодолеть бинарное разделение поэзии и прозы и прийти от «оппозиционной к аппозиционной поэтике»¹⁶, то есть поэтике соположения и взаимодополнения.

В разделе **3.2 «Гоголь: метаморфическая доминанта»** анализируются реинтерпретации гоголевских сюжетов о преображении, как в прямом, так и в переносном смысле. **3.2.1. Тема преображения в англо-американской рецепции Гоголя.** Метаморфическая доминанта, выделенная в художественной рецепции Гоголя в США, ведет свою историю от эссе Набокова (1944), которое, как уже говорилось, фактически открыло англоязычному читателю русского классика. Многие исследователи сопоставляют гоголевские метаморфозы с кафкианскими, и именно такое видение отличает Ф. Рота: в его новелле «Грудь» аллюзии на Гоголя и Кафку тесно переплетены.

В согласии с принципом срединности, выделяемого в эстетике Гоголя, в конце прошлого и начале нынешнего века к его наследию обращаются как американские писатели, тяготеющие к фантастическому гротеску, так и те, кому ближе реалистичная манера; тех и других вдохновляют гоголевские

¹⁶ Edmond J. Bridging Poetic and Cold War Divides in Lyn Hejinian's *Oxota* and Vikram Seth's *The Golden Gate* // *Gramma: Journal of Theory and Criticism*. 2008. No. 16. P. 86–87.

метаморфические сюжеты, что отражает современный интерес к подвижности и трансформативности культурных явлений.

3.2.2. Метаморфизм в американской «гоголевской трилогии» (Ф. Рот, Т.К. Бойл, Г. Штейнгарт). В последние десятилетия в литературе США появились сатирико-фантастические переложения трех петербургских повестей Гоголя: в 1972 году вышла новелла Ф. Рота «Грудь» (*The Breast*), созданная под влиянием «Носа» и «Превращения» Кафки, в 1985 году Т.К. Бойл включил в свой очередной сборник рассказ «Шинель-II» (“*The Overcoat-II*”), наконец, в 2002 году журнал «Нью-Йоркер» опубликовал рассказ Г. Штейнгарта «Шейлок с берегов Невы» (“*Shylock on the Neva*”), переносящий действие «Портрета» в Петербург 1990-х. Эти тексты создают своеобразную американскую «гоголевскую трилогию», объединенную сюжетом превращения.

Л.В. Карасев, подробно рассматривая выражение телесного и духовного в текстах Гоголя, пришел к выводу, что «Нос», «Портрет» и «Шинель» — «ряд последовательно сменяющих друг друга иноформ единого исходного смысла телесного неумирания. Часть тела вместо тела, изображение вместо тела и одежда вместо тела»¹⁷. Вариации именно этих трех повестей Гоголя, независимо друг от друга появившиеся у разных авторов США, словно продолжают этот гоголевский сюжет и создают единый текст об усилении деформации человеческой личности в современном мире. Герой Рота в конце новеллы намерен изменить свое довольно бессмысленно-физиологическое существование в человеческом облике и сделать его более осмысленным в состоянии отдельного органа, вдохновляясь одухотворенным фрагментом статуи Аполлона, описанной Рильке. Имперский Петербург Гоголя оказывается более человеческим, чем советская Москва, в изображении Бойла лишившая человека даже толики приватности. И душа советского Акакия, оставшись без материальной оболочки, лишь однажды привиделась своему обидчику, не особенно его напугав, а потом просто растворилась без следа, так и не став призраком мщения. Наконец, страшный гоголевский портрет в вариации Штейнгарта преображается в шарж, а дьявольский ростовщик становится рассказчиком-жертвой, оставившим «для вечности» свое карикатурное изображение и сумбурный предсмертный монолог.

3.2.3. Обретение новой идентичности под знаком Гоголя: иммигрантский роман. В иммигрантском романе США гоголевский текст определяет новую интерпретацию темы изменения культурного «я»: протагонист романа индо-американской писательницы Д. Лахири «Тезка» (*The Namesake*, 2003), индус Ашок Гангули, перечитывает любимую «Шинель» в ночном поезде и благодаря этому остается в живых во время аварии. Историю о далеком заснеженном городе он воспринимает как пророчество своей судьбы и решает

¹⁷ Карасев Л.В. Гоголь в тексте. М.: Знак, 2012. С. 20.

иммигрировать в Америку, выбирая Бостон, в котором видит своеобразный американский аналог Петербурга.

Вторя великим индийским мыслителям, герой Д. Лахири, профессор литературы в Калькуттском университете, учил внука читать и перечитывать «всех русских». Калькутта, которую специалисты называют «индийским Петербургом» и отмечают сходство исторической миссии «окна» в иноязычную культуру, мифологизированного дурного климата и даже архитектурного облика города на реке¹⁸, конечно, не случайно выбрана исходным местом действия в романе, герой которого проникнется любовью к русской классике.

Из любви к классику-спасителю Ашок называет сына Гоголем и дает ему второе имя «Никхил», созвучное и с Николаем, и с латинским *nihil* («ничто»). Так его сын становится двойным, тайным и явным, «тезкой» Гоголя, который, как известно, иногда подписывался четырьмя нулями. Сыну-подростку Ашок дарит повести Гоголя, поясняя, что чувствует особое родство с классиком, поскольку оба они провели большую часть жизни на чужбине. Однако молодой герой пытается отстраниться от навязанного ему «родства» с русским писателем и меняет свое имя на Ника Гангули. Но и Америка остается для него чужой страной и даже брак с дочерью бенгальских иммигрантов оказывается неудачным. После смерти отца Ник впервые берет в руки подаренную книгу Гоголя и начинает читать, пытаясь найти в ней ключ к пониманию своей транскультурной личности. В романе Лахири интертекст русской (третьей) культуры выступает медиатором между частным и универсальным иммигрантским опытом.

В разделе **3.3. «Достоевский: исповедальная доминанта»** рассматривается исповедальное начало прозы Достоевского, реконструируемое американскими писателями как в «чужом слове» героя, так и в авторском нарративе. **3.3.1. Исповедальное начало в англо-американской рецепции Достоевского.** Каноническим текстом для исповедальной традиции XX века стала повесть «Записки из подполья», о чем писал еще Джон М. Марри, посвятив этой повести отдельную главу в своей книге о Достоевском 1916 года, одной из первых англоязычных монографий о писателе. Безымянный парадоксалист воспринимается как архетип, из которого «вышел» и европейский экзистенциалист, и изгой-эксцентрик американского южного гротеска, и невротический антигерой современного исповедального романа, в частности, американского романа о подростке. Однако для американской исповеди подростка и металитературной писательской «исповеди» немалое значение имеют также романы «великого пятикнижия».

3.3.2. Исповедь героя: роман о подростке. Для двух американских романов о подростке – «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye*, 1951)

¹⁸Серебряный С.Д. Восприятие русской классической литературы в Индии / Южной Азии: Проблемы изучения // Русская литература в зеркалах мировой культуры. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2015. С. 350.

Дж. Сэлинджера и «Щегол» (*The Goldfinch*, 2013) Д. Тартт – важен диалог с «Подростком» и «Братьями Карамазовыми». Сопоставление «Подростка» и «Над пропастью во ржи» позволяет отметить в обоих романах мучительные попытки обрести отца или наставника, способного его заменить, концентрированность действия, терапевтическую функцию исповеди, в обоих случаях описывающую события годичной давности. Продуктивно и сравнение Холдена Колфилда с Колей Красоткиным. Помимо религиозной символики, можно отметить, что оба писателя выстраивают образы подростков на основе схожих ключевых высказываний, которые позволяют увидеть как родство двух характеров (например, оба обличают косную систему образования), так и значительные отличия. Главное из них – в честолюбивом порыве героя Достоевского «умереть за все человечество» по сравнению с тайным желанием героя Сэлинджера «просто быть ловцом во ржи».

В романе Тартт сочетается диккенсовский текст с текстом Достоевского, намеченном уже в имени героя, Теодоре, «тезке» писателя, и эксплицитно раскрытом к концу повествования. Коллизия романа построена на архетипической модели преступления и наказания. Рассказывая о взрослении Тео, Тартт использует опыт Достоевского для создания эмоциональной исповеди героя через призму восприятия им города. Подобно мечтателю из «Белых ночей» Достоевского и фланёру герой Тартт пытается скрыться от одиночества в толпе. Его бесприютное бродение по туманному и промозглому Нью-Йорку напоминает петербургское скитальчество героев Достоевского. Вслед за Достоевским американские писатели приводят своих героев-подростков к определенному примирению с действительностью, в котором им помогает написание искренней исповеди.

3.3.3. Исповедь автора: метароман о писателе. Исповедальность, пронизывающая романы Достоевского, во многом отражает его стремление познать собственную человеческую и творческую сущность. Через своих героев писателю легче сказать о себе, чем в претендующей на документальность форме дневника. В конце XX века некоторые современные авторы включают в свои метароманы о писателе дискурс Достоевского. В данном разделе, помимо романов американцев Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» (*The World According to Garp*, 1976) и Ф. Рота «Операция Шейлок: Исповедь» (*Operation Shylock: A Confession*, 1993), рассматривается роман «Мастер Петербурга» (*The Master of Petersburg*, 1994) писателя-«номада» Дж. М. Кутзее, некоторое время жившего и в США. Роман Кутзее представляет собой репрезентативный опыт осмысления наследия Достоевского в англоязычном пространстве. Данные тексты позволяют рассмотреть три формы саморефлексивной рецепции: дистанцированную (биография вымышленного писателя у Ирвинга), эгоцентричную

(псевдоавтобиографическая исповедь у Рота) и «психоисторическую» (фикциональная биография Достоевского у Кутзее).

Ирвинг и Рот включают дискурс Достоевского почти пунктиром, который можно и не заметить в их объемных и сложно организованных текстах. Тем не менее он вносит ноту трагичности в романы, нередко балансирующие на грани фарса. Замысел Кутзее целиком посвящен Достоевскому, и тональность его романа лишена какой-либо комической составляющей. Уроженцу Южной Африки, вынужденному покинуть свою страну и стать «гражданином мира», очень близка тревога автора «Бесов». Надрывная интонация признаний героев русского классика оказывается созвучной мироощущению Кутзее в период трагического события собственной жизни, которое он включает в свой роман о «Мастере Петербурга». Романы Ирвинга, Рота и Кутзее роднит осмысление через призму Достоевского глобальных современных проблем, связанных с насилием: у Ирвинга – это агрессивный феминизм, у Рота – антисемитизм, у Кутзее – терроризм. Тема ответственности писателя за свое слово, подразумевающая активную гражданскую позицию, важна для всех анализируемых авторов, и, решенная «под знаком» Достоевского, она приобретает дополнительный гуманистический, философский и эстетический контекст.

В разделе **3.4 «Толстой: гендерная доминанта»** актуализируется различие маскулинной и феминной форм рецепции, важных для осмысления творчества Толстого с конца прошлого века. **3.4.1. Маскулинные и феминные прочтения Толстого.** В американской славистике ярким выразителем маскулинной позиции является Г.С. Морсон, акцентирующий морально-этическое начало романов Толстого в своей концепции прозаики, а феминную позицию (без распространенного феминистского упрощения) занимает Э. Манделкер, доказывающая, что Толстой создал образ лишнего человека в женской ипостаси. Маскулинные и феминные точки зрения на романы Толстого в американской славистике соотносятся с интерпретацией наследия классика в художественной прозе США: его этическая философия актуализируется в «моральном реализме», а восприятие Анны Карениной как трагической героини и ее истории как скрипта для литературной автобиографии реализуется в русско-американской женской традиции.

3.4.2. Толстой и «пост-постмодернистский моральный реализм» США. Направление «морального реализма», эксплицитно акцентирующего проблематику вопросов морали в современном обществе, имеет немалую историю в литературе США. Этот термин нередко применяется к романному творчеству У.Д. Хоуэллса (1837–1920). Убежденным теоретиком и практиком «морального реализма» был Л. Триллинг, один из наиболее влиятельных литературных критиков Америки середины XX века.

В конце XX века голландский американист У.Верховен, стремясь определить своеобразие неореалистической манеры Р.Карвера, предложил термин «пост-постмодернистский моральный реализм»¹⁹. Это понятие предполагает преодоление постмодернистского эсхатологического мироощущения и возвращение к традиционным началам, что на исходе эпохи постмодерна характерно не только для прозы Карвера. По крайней мере для трех американских романистов, начавших творческую деятельность во второй половине XX века, осмысление нравственных ценностей современности происходило в диалоге с Толстым – это С. Беллоу, Дж. Гарднер и Дж. Франзен.

Потомок иммигрантов из России, Беллоу стал одним из самых значимых медиаторов русской классики и особенно наследия Толстого в современной англоязычной культуре. Начиная со знаменитого «Герцога» (*Herzog*, 1964), Беллоу обращается к европейской традиции идейного романа и создает сквозной образ интеллектуального героя, нередко своего *alter ego*, размышляющего о моральном климате современной ему Америки, при этом соглашаясь или полемизируя со многими писателями и философами, в том числе с Толстым. Идеалист-интеллектуал Мозес Герцог, не теряющий надежды изменить мир с помощью воззваний известным людям, утверждает свою теорию свободы с помощью знаменитой толстовской мысли «царь есть раб истории». Идеалист-художник, поэт фон Гумбольдт Флейшер в романе «Дар Гумбольдта» (*Humboldt's Gift*, 1975) не соглашается с этой сентенцией, настаивая на «маниакальной» и «депрессивной» силе вершителей истории. Поднимая тему Холокоста в романе «Планета мистера Сэмлера» (*Mr. Sammler's Planet*, 1970)), Беллоу вынужден полемизировать с толстовской философией добра, в которую XX век внес жестокие коррективы. Однако религиозное просветление, к которому Беллоу приводит своего героя в финале, созвучно толстовскому утверждению о том, что «наша жизнь есть не что иное, как стремление к добру, то есть к богу».

Беллоу оказался в числе немногих американских писателей, не подвергшихся резкой критике в своеобразном литературном манифесте «морального реализма», книге Дж. Гарднера «О нравственности литературы» (*On Moral Fiction*, 1978). Цитируя Толстого, Гарднер настаивает на жизнеутверждающей роли искусства и обвиняет в аморальности многих писателей-современников, особенно резко полемизируя с программным постмодернистским эссе Дж. Барта «Литература истощения» (*The Literature of Exhaustion*, 1967). Формированию взглядов Гарднера на искусство предшествовал его многолетний диалог с Толстым. Первым шагом Гарднера на этом пути стал роман «Воскресение» (*The Resurrection*, 1966), задуманный как

¹⁹ Verhoeven W.M. What We Talk About When We Talk About Raymond Carver // Narrative Turns and Minor Genres in Postmodernism / Ed. T. d' Haen, H. Bertens. Amsterdam and Atlanta, GA: Rodopi, 1995. P. 58.

полемический отклик на одноименный роман русского классика. Гарднер горячо возражал против чрезмерной дидактичности последнего романа Толстого, и своего героя, профессора философии Джеймса Чандлера, жившего абстрактными идеями, лишил возможности воскресения и привел к преждевременной гротескной смерти. Однако уже в следующем, «пасторальном», романе «Никелевая гора» (*Nickel Mountain: A Pastoral Novel*, 1973) Гарднер отходит от полемики и стремится воплотить идеалы толстовской «мысли семейной». Отзвуки «Анны Карениной» явственны в мотиве возрождения природы и возрождения души, которое вслед за толстовским Левиным суждено испытать гарднеровскому Генри Сомсу после создания собственной семьи. Красноречив параллелизм некоторых эпизодов, в частности, потрясение, которое оба героя испытывают, когда видят своих жен после родов в состоянии возвращения из потустороннего в земной мир.

Гарднер, как и Толстой вопреки своей изначальной максиме, показал, что все семьи и счастливы, и несчастливы по-своему. Американский писатель развивает эту мысль и в своем самом знаменитом романе «Октябрьский свет» (*October Light*, 1976). Как и в толстовских романах, в моменте эпифании у Гарднера значимо природное начало. В хрестоматийном эпизоде с дубом яркое ощущение ценности жизни у князя Андрея возникает, в том числе, благодаря персонификации дерева как органического элемента. Гарднер в финальной сцене своего романа персонифицирует медведя и использует толстовский прием остранения, переключая точку зрения с человека на животное. В своем творчестве американский писатель пришел от попытки полемики с Толстым к развитию его жизнеутверждающей, пантеистической философии и поэтики.

Для интеллектуальных романов Беллоу характерно непосредственное включение в текст сентенций Толстого при аргументации собственных гуманистических идей. Этот диалог иногда полемичен: так, уже во второй половине XX века невозможно было полностью принять идеалистическую толстовскую философию добра. Будучи урбанистическим писателем, Беллоу иронично интерпретирует толстовскую пасторальность, противопоставленную, по его мнению, жителю современного мегаполиса. Последняя особенность отличает Беллоу от Гарднера, выросшего и всегда предпочитавшего жить в аграрной провинции Среднего Запада. Для Гарднера, как и для Толстого, близость к природе составляет необходимый элемент гармонии в душе. Для моралистической литературы важен момент эпифании, который у Беллоу имеет антропоцентрический, а у Гарднера – пантеистический характер.

С толстовской традицией можно связать и прозу других американских неореалистов/пост-постмодернистов, которым не чужды художественные эксперименты, но этические задачи сохраняют для них первостепенную значимость. В их числе следует выделить Дж. Франзена (р. 1959), который

успешно дебютировал в конце прошлого столетия с романом «Двадцать седьмой город» (*The Twenty-Seventh City*, 1988), построенном на конспиративном сюжете в духе Пинчона, а в начале нынешнего века поразил американскую литературную общественность грандиозной семейной сагой «Поправки» (*The Corrections*, 2001). Роман был высоко оценен критикой: удостоен Национальной литературной премии и включен в список финалистов Пулитцеровской премии.

«Поправки» можно также включить в список «Великих американских романов», для которых всегда была важна «Большая Идея»: для Франзена она состоит в том, что и обществу в целом, и социуму семьи необходимы нравственные коррективы. Стремясь создать объемный портрет национального среднего класса, писатель берет на себя функцию «всекомпетентного нарратора» и на макроуровне повествования соотносит упадок семейных ценностей с социально-экономическим кризисом 1990-х. На микроуровне Франзен с равной авторитетностью описывает профессиональный мир патриарха семейства, инженера-железнодорожника Альфреда Ламберта, и его троих детей: неудачливого университетского преподавателя, успешного банкира и переживающей взлеты и падения предпринимательницы-ресторатора. Чтобы «всекомпетентный нарратор», обладающий обширными познаниями в политике, промышленности, медицине, бизнесе, образовании, с большей вероятностью вызвал ассоциации с толстовским всеведущим повествователем-демиургом, Франзен упоминает в своем современном эпосе «Войну и мир».

В «Поправках» Франзен не развивает тему литературных параллелей, но делает это в своем следующем романе, «Свобода» (*Freedom*, 2010). Героиня этой семейной саги Патти Берглунд находит в истории Наташи Ростовской аналогию собственной раздвоенности между многолетней любовью к рок-музыканту и благодарностью мужу, по иронии судьбы настоятельно рекомендовавшему ей прочесть «Войну и мир». Патти кажется, что толстовский роман дал ей свободу и повлиял на решение следовать своим чувствам. Если в «Поправках» Франзен, главным образом, акцентировал значимость семьи как основы нравственной гармонии, то в «Свободе» он также включает в повествование тему экологической моральной ответственности современного человека, о которой писал в книге воспоминаний «Зона дискомфорта» (*The Discomfort Zone*, 2006). На протяжении всего XX века семейные саги нередко удостаивались сравнений с «Войной и миром». Дж. Франзен, в первое десятилетие нового века публикуя два больших романа об американской семье на фоне политических, социальных и фактических войн, возвращается к классической моральной оценке персонажей и осознанно формирует основу для сравнений с толстовским эпосом. С. Беллоу, Дж. Гарднера и Дж. Франзена объединяет солидаризация с толстовской традиционной идеологией, в которой современные писатели пытаются найти возможную опору для восстановления иерархии ценностей.

3.4.3. «Анна Каренина» как русско-американская женская «книга жизни». Роман «Анна Каренина» занимает особое место в русско-американской женской прозе. Героини современных писательниц, покинувших Россию и живущих в США, перечитывают роман Толстого и нередко видят в нем своеобразную «книгу жизни», непосредственные переключки с их собственным опытом, а порой и моделируют свою судьбу по литературной канве. Молодая иммигрантка в «Петрополе» А. Улинич пишет оставленной в России дочери, что снова читает «Анну Каренину» и пропускает сцену, в которой Анна тайно проникает к сыну; героиням одного из рассказов Л. Вапняр роман Толстого кажется дверью «в другую жизнь».

В романе «Мемуары музы» (*Memoirs of a Muse*, 2006) Вапняр использует материалы о жизни Достоевского (главным образом, дневники и письма А. П. Сусловой и ее биографическую новеллу «Чужая и свой») и роман «Игрок», чтобы создать пародийную модернизацию отношений классика и его музы, но заканчивает эту историю отсылкой к роману Толстого. После драматических испытаний героиня Вапняр смогла и обрести семейное благополучие, и состояться в профессиональном плане – защитить диссертацию «Домашняя жизнь в России конца XIX века». Благодаря этому ее приглашают стать консультантом фильма «Анна – изучение страсти», очередной американской экранизации толстовского романа. Упоминая «Анну Каренину» на последних страницах своей книги, Вапняр создает двойную аллюзию к сюжету трагической женской судьбы – героиня Сусловой, тоже Анна, в конце повести бросается в реку – и противопоставляет его истории выигрыша по иммигрантской карте, в которой русское происхождение становится дополнительным козырем в прагматичной игре с удачей.

И. Рейн словно подхватывает у Вапняр упоминание об «Анне Карениной» и создает свою версию толстовского романа, «Что случилось с Анной К.» (*What Happened to Anna K.*, 2008), в которой два классических женских типа – «домашний» и роковой – тоже становятся соперницами на роль писательской музы. Анна К. создает свой жизненный нарратив в точном согласии с романом Толстого, но к трагическому финалу ее приводит не столько несчастливая история любви, сколько «растроение» идентичности на русскую, еврейскую и американскую составляющие, порой не совместимые в одной душе. В металитературных псевдоавтобиографиях (автофикциональных текстах) Л. Вапняр и И. Рейн роман «Анна Каренина» вновь оказывается транскультурным кодом, отсылки к которому высвечивают неожиданное сходство в жизни светского общества России XIX века и русско-еврейской диаспоры в США XXI века, проблематизируя тему русско-еврейской идентичности и предназначения женщины в современном мире.

Маскулинные и феминные прочтения Толстого создают динамичность в рецепции наследия классика. Утверждение традиционных нравственных ценностей особенно важно для «морального реализма» (и неореализма в целом), а роман о женщине, попытавшейся преодолеть догматичность социальных норм, порождает модернизированную вариацию в феминистской иммигрантской прозе. Обе традиции восприняли толстовский опыт эпифании, момента эмоционального и нравственного прозрения, приводящего героев к переосмыслению своей жизни и решительным поступкам.

Завершает главу **раздел 3.5 «Чехов: эмпатическая доминанта»**. Несмотря на широкое признание Достоевского и Толстого, Чехов остается самым близким западному миру русским классиком. **3.5.1. Эмпатическое начало в рецепции Чехова.** Чехова отличает уникальное эмпатическое отношение к изображаемому: сопереживание сочетается с сохранением эмоциональной дистанции, что приводит к объективированному художественному видению Другого. В американской литературе эмпатическое чеховское начало находит выражение как в художественной прозе, так и в публицистике. Акцент на индивидуальном, уникальном мировосприятии определил импрессионистическую стилистику англоязычных чеховских вариаций. Проблема социальной и этической ответственности писателя отразилась в современной медицинской гуманитаристике, актуализирующей документальную прозу Чехова.

3.5.2. Модернизации «Дамы с собачкой»: эмпатия художника. Модернизация стала одной из наиболее распространенных современных форм прочтения классики. В диалоге с Чеховым чаще всего модернизируется его самый знаменитый рассказ, «Дама с собачкой», включенный во многие англоязычные антологии малой прозы. Анализ трех рассказов-вариаций «Дамы с собачкой» позволяет выделить некоторые особенности интерпретации чеховского шедевра в англоязычной традиции.

Первая модернизация «Дамы с собачкой», рассказ “The Lady with the Pet Dog”, принадлежит Дж.К. Оутс. В сборнике «Браки и измены» (*Marriages and Infidelities*, 1972) Оутс создает современные версии четырех знаменитых произведений: новелл «Смерть в Венеции» Томаса Манна и «Превращение» Франца Кафки, философской книги Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» и рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой». Очевидным выражением литературной преданности Оутс Чехову стало сохранение ею названия претекста, основного сюжета и имени героини, а также чеховских топов и локусов. Для последних писательница использует современные американские аналоги: встреча героев происходит на курортном острове Нантакет, свидания – в номерах отелей, живет героиня в Огайо, провинциальном среднезападном штате.

В версии Оутс именно Анне предстоит преображение, произошедшее с Гуровым. Из рассудочной особы, равнодушной к мужу, в котором, в отличие

от Анны Сергеевны, у американской героини нет причин видеть лакея, она становится женщиной, способной на настоящее чувство. Оутс утверждает право женщины на счастье, откликаясь на чеховское слово, поэтому распространенное феминистское прочтение ее рассказа как «замысла против Чехова» противоречит и интервью писательницы, и ее тексту.

Героиня Оутс после того, как будущий возлюбленный написал ее портрет, в мыслях называет его «мужчиной с собакой», и этот образ отзывается в коротком рассказе Б. Лордан «Мужчина с собачкой» (“The Man with the Lapdog”, 1999), удостоенном премии О. Генри 2000 года. Лордан создает вариацию-продолжение, повествуя о немолодом мужчине и его несостоявшейся любви. Ее герою, американцу Лайлу, шестьдесят семь лет, и он давно женат на ирландке, которая уговаривает его в конце жизни вернуться на ее родину. В чужой стране его многое раздражает, но все же многое нравится, и к числу любимых занятий относятся прогулки с «собачкой». Во время одной из прогулок он знакомится с молодой супружеской парой и с грустью думает об иронии поздней встречи с необыкновенной женщиной.

В третьем, подчеркнуто металитературном, американском варианте «Дамы с собачкой», рассказе Д. Минза «Читая Чехова» (“Reading Chekhov”, 2010), герои безымянны, и их роман начинается как само собой разумеющийся, давний сценарий, подробности которого уже неинтересны. Повествование Минза фрагментарно, короткие главки написаны то от первого, то от третьего лица и то с мужской, то с женской точки зрения. В первой главке сообщается, что тридцатипятилетний герой изучает теологию как студент-«почасовик» (*part-time student*) и работает в страховой компании, где и встречается героиню. Статус почасовика определяет его жизненное кредо: готовясь стать священником, он заводит роман с замужней женщиной, но и ей не готов посвятить себя целиком.

Аллюзивность заглавий усиливает различия в тональности американских вариаций «Дамы с собачкой». В них значимо трансформируется чеховская цветовая символика: Оутс заменяет чеховскую приглушенную, закатную палитру на ослепительно солнечную, Лордан и Минз, напротив, акцентируют будничную серость существования своих героев. Трансформируется и звуковая образность претекста: в американских рассказах звучат лишь телефонные звонки, шум дождя и искаженная музыка под аккомпанемент грохочущих поездов метро. Импрессионистичная звуковая и визуальная образность проанализированных рассказов становится основой объективированного эмпатического изображения действительности. Американские авторы восприняли чеховский опыт создания живого мгновения бытия, когда художник стремится передать тонкие движения души своих героев и, не осуждая никого напрямую, показать человека во всем его сложном многообразии.

3.5.3. Чеховское социально-этическое наследие в медицинской гуманитаристике: эмпатия публициста и врача. С конца XX века чеховское наследие востребовано в новой области медицинской гуманитаристики, междисциплинарной области, включающей и художественные произведения, и научные исследования, в которых болезни человека и болезни общества осмысляются через социально-этическую призму.

Чеховский литературно-медицинский канон включает адаптации его произведений, где есть персонажи-врачи, многочисленные антологии и монографии. В их числе – издание «медицинских» рассказов Чехова под редакцией известного профессора медицины и поэта Дж. Коулхана и сборники произведений о врачах в мировой литературе, составленные по тематическому принципу, что позволяет найти художественное осмысление наиболее важных аспектов в отношениях доктора и пациента. Чеховские рассказы и пьесы, связанные с медициной, становятся предметом многочисленных сопоставительных исследований на широком литературном материале.

Чеховскую профессиональную модель медика и писателя активно пропагандирует гарвардский профессор медицины Р. Коулз, начавший свое образование с учебы на филологическом факультете, где американский поэт и прозаик (а в молодости – врач) У.К. Уильямс вдохновил его на изучение творчества русского классика. В свою антологию «Жизнь в медицине» Коулз включил не только рассказы Чехова, Булгакова, Карвера, но и тексты непрофессиональных авторов в соответствии с четырьмя этическими принципами воспитания врача: альтруизм, знание, умение и долг. Коулз внес огромный вклад в формирование медицинской гуманитаристики в США, одним из первых в стране начав курс «Литература и медицина», в котором преподавал медицинские рассказы Чехова (в частности, «Анюту» и «Палату № 6») и «Остров Сахалин» для этического обучения будущих врачей. Видя в Чехове эталон гуманитария-практика, Коулз считал необходимым приобрести и личный «сахалинский» опыт, работая врачом в индейской резервации.

В современной науке «Остров Сахалин» рассматривается как объект «медицинской географии» и «моральной картографии». Последнее определение применимо к интерпретации чеховского топоса в прозе Дж. Макконки, профессора Корнелльского университета, унаследовавшего набоковский курс по европейской литературе. В романе «Путешествие на Сахалин» (*Journey to Sakhalin*, 1971) Макконки описывает студенческие волнения в американских университетах конца 1960-х – начала 1970-х, и его герой, декан Чэмберс, размышляя, какую позицию он должен занять, читает письма Чехова. В своей следующей книге, «На далекий остров» (*To a Distant Island*, 1984), Макконки продолжает тему самоаналитического странствия и проводит параллель между чеховской поездкой на Сахалин и собственным пребыванием в Италии, находя

общее в решении покинуть привычную среду, чтобы преодолеть духовный кризис.

Важным вкладом в гуманитарное чеховедение стал изданный под редакцией Макконки сборник «Чехов и наш век» (*Chekhov and Our Age*, 1984), куда вошли размышления многих американских писателей и исследователей. В их числе – эссе У. Перси «Романист как диагност современной дисфории» (“Novelist as Diagnostician of the Modern Malaise”), в котором американский психиатр и прозаик практически повторяет знаменитую мысль Чехова о задаче писателя не давать ответы, а правильно ставить вопросы, или диагноз современным болезням.

Диагностический литературный метод сформировал и других современных писателей-врачей, и, словно в знак продолжения традиции, в их медицинско-гуманитарной прозе нередко присутствуют непосредственные отсылки к Чехову. Так, в романе М. Стейна «Эта комната – твоя» (*This Room Is Yours*, 2004) дом престарелых, куда сын помещает мать, страдающую болезнью Альцгеймера, называется «Вишневый сад». Наряду с заглавной аллюзией на знаменитое эссе В. Вулф «Своя комната» (“A Room of One's Own”), чеховский топос придает дополнительный контекст теме зависимости и несвободы. Однако Стейну без сентиментальности и эмоционального нажима удастся показать постепенное преодоление прошлых обид и примирение сына с некогда властной матерью. В своих документальных романах писатель стремится передать врачебный опыт, чтобы помочь не только непосредственным пациентам и их близким, но и широкой аудитории.

Анализ современной медицинской гуманитаристики США показывает, что чеховское этическое наследие вошло в эту сферу на различных уровнях: это и преподавание его рассказов и «Острова Сахалин» для нравственного воспитания будущих врачей, и включение его произведений в широкий литературно-медицинский контекст в сопоставительных исследованиях и антологиях, и формирование на основе его текстов диагностического литературного метода, актуального как для американской романистики и филологической публицистики в целом, так и для художественной и эссеистической прозы писателей-врачей в частности.

В заключении подводятся итоги исследования. Делается вывод, что масштабная реконтекстуализация русской классики в современной прозе США свидетельствует об актуальности осмысления мировой литературы как открытой, динамичной системы, основанной на принципе транскультурного взаимодействия. Русская классика, формировавшаяся как творческий отклик на европейскую литературу, содержит мощный «ген интертекстуальности» и становится важным элементом современного художественного поиска переводимости культур и понимания своей идентичности через Другого.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

**Издания, рекомендованные для защиты в диссертационном совете
МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности 10.01.03 «Литература
народов стран зарубежья»**

1. Бутенина Е.М. Набоковский код в русско-американском романе Ольги Грушиной // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5(11). С. 189–193
2. Бутенина Е.М. Межкультурные топосы в китайско-американской литературе // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. 2011. Вып. 343. С. 10–14.
3. Бутенина Е.М. «Лишний человек» в китайско-американской версии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 2 (26). С. 141–147.
4. Бутенина Е.М. Три американские вариации «Дамы с собачкой» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 100–104.
5. Бутенина Е.М. Транскультурный поэтический миф в романе Джона Краули «Переводчик» // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 2015. № 4. С. 104–115.
6. Бутенина Е.М. Исповедальность Достоевского и современный англоязычный метароман о писателе // Новый филологический вестник. 2016 № 2(37). С. 179–188.
7. Бутенина Е.М. Толстой и американский “моральный реализм” второй половины XX века (Момент эпифании в прозе Сола Беллоу и Джона Гарднера) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 122–131.
8. Бутенина Е.М. Исповедальная традиция Достоевского и современный американский роман о подростке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2. С. 94–100.
9. Бутенина Е.М. Лев Толстой: консервативный новатор в транскультурном англоязычном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2016. № 2. С. 90–97.
10. Бутенина Е.М. Достоевский как современник: рецепция наследия в Англии и США // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 89–93.
11. Бутенина Е.М. Самоидентификации с героями русской классики в университетско-филологической трилогии Филипа Рота // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 4–13.
12. Бутенина Е.М. Чеховское начало в прозе Элис Манро // Новый филологический вестник. 2017. Т. 40. № 1 (40). С. 182–189.
13. Бутенина Е.М. Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 158–172.
14. Бутенина Е.М. Набоковская медиация русской классики и университетско-филологическая проза США // Русская литература. 2017. № 3. С. 242–253.
15. Бутенина Е.М. «Маленький лишний человек» в современной русско-американской прозе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 2. С. 73–80.
16. Бутенина Е.М. Импрессионистическая доминанта в англо-американской медиации прозы Чехова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. № 1. С. 24–27.

**Журналы, входящие в перечень изданий,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ**

17. Бутенина Е.М. Вариации на тему русской классики в иммигрантской прозе Василия Аксёнова // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 147–154.
18. Бутенина Е.М. Модернизации русской классики в современном русско-американском романе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 182–189.
19. Butenina E. Sergei Dovlatov's Ludic Literary Discourse in the Original and English Translations // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2016. № 5 (9). С. 1232–1238.
20. Butenina E. Raymond Carver as "The American Chekhov" // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (11). С. 27–33.

Иные издания

21. Butenina E. Russian Classical Books in Chinese American Literature // Материалы межд. конф. International Conference on the 20th Century Literature in English from Cross-Cultural Perspectives. Харбин, 14–17 января 2011. Харбин: Изд-во Харбинского Института технологий, 2011. С. 71–78.
22. Butenina E. The intext of "superfluous man" in contemporary American fiction // Материалы межд. конф. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture. Томск, 27–30 окт. 2015. Р. 403–407.
23. Бутенина Е.М. Китайско-американский роман как посредник в литературном диалоге России и Китая // Материалы межд. конф. «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Благовещенск: Изд. БГПУ, 2011. С. 137–141.
24. Бутенина Е.М. Читатель как создатель (мета)текста в современном романе США // Проблемы модерна и постмодерна: Материалы 43-й Международной филологической конференции СПбГУ, 11–16 марта 2014 года. СПб.: Петербург, 2014. С. 96–106.
25. Butenina E. Enacting Russian Scripts in Russian American Fiction // Материалы межд. конф. Learning Languages – Building Communities: PAC and 9th FEELTA International Conference Language Teaching. Владивосток, 1–4 ноября, 2012 г. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014. С. 216–219.
26. Бутенина Е.М. Метаморфозы гоголевских повестей в современной прозе США // Материалы Всероссийской конф. с межд. участием Институт филологии СО РАН, 13–15 мая, 2014 года. г. Новосибирск. С. 68–76.
27. Бутенина Е.М. Читатели Чехова в современном романе США // Материалы межд. конф. «Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: Пространство диалога». НГУ, 16–17 мая 2014 года Новосибирск, 2015. С. 267–272.
28. Бутенина Е.М. Набоковское эхо в прозе китайско-американских писателей // Материалы межд. конф. «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Харбин, 18–21 мая 2015 г. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 335–339.
29. Бутенина Е.М. Миф американской литературы в филологической прозе русских писателей-иммигрантов в США // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 5–9.

30. Бутенина Е.М. Чеховский мир как конструкт металептических читателей в современном романе США // Проблемы художественного миромоделирования в русской и зарубежной литературе. Межвузовский сборник научных трудов. Благовещенск, 2015. С. 55–64.
31. Бутенина Е.М. Код русской классики в русско-американской прозе XXI века // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С.155–159.
32. Бутенина Е.М. «Реинкарнации» русских классиков в современном романе США // Известия Восточного Института. 2015. № 4 (28). С.68–74.
33. Бутенина Е.М. «Американская кириллица» и «русская латиница (русско-американская проза XXI в.) // Художественное слово в пространстве культуры: контакты и взаимодействия: коллективная монография отв. ред. А.Н. Таганов, Ю. Л. Цветков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 230–236.
34. Бутенина Е.М. Медиация русской классики в филологической прозе иммигрантов третьей волны // Американистика на Дальнем Востоке. Ежегодный бюллетень. Благовещенск, 2016. С. 8–12.
35. Бутенина Е.М. «Маленький лишний человек» в китайско-американской версии // Проблемы литератур Дальнего Востока. VII Международная конференция. 29 июня – 3 июля 2016 г. СПб.: Студия НП-Принт, 2016. Т.2. С. 22–29.
36. Бутенина Е.М. Игровой литературный текст Сергея Довлатова в оригинале и переводе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 5. С. 23–25.
37. Бутенина Е.М. Современная русская проза на страницах журнала «Нью-Йоркер» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 5. С. 26–29.
38. Butenina E. Literature // Russian English. History, Functions, and Features / Ed. Zoya G. Proshina, Anna A. Eddy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 209–222.
39. Бутенина Е.М. Этическое наследие Чехова в современной медицинской гуманитаристике США // Studia Litterarum. 2017. Т.2. №4. С. 146–155.
40. Бутенина Е.М. Петербургский текст современной русско-американской прозы // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 289–301.

Монография

41. Бутенина Е.М. «Чужое слово проступает...»: Рецепция русской классики в прозе США второй половины XX – начала XXI века. М.: ФЛИНТА, 2018. 268 с.

Учебные пособия

42. Бутенина Е.М. Современный роман США. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2010. 100 с.
43. Бутенина Е.М. Мультикультурный роман США. Электронный ресурс. М.: ФЛИНТА, 2013. 108 с.

Бутенина Евгения Михайловна

**Интертекст русской классики
в прозе американского постмодернизма:
к проблеме культурного трансфера**

Специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»
(европейская и американская литература)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 17.09.2018 Формат 60х84/16
Бумага писчая. Уч.- изд. л. 2,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО "Литера В",
690091, г. Владивосток, ул. Светланская, 31В
e-mail: litera_v@mail.ru